

ВЕЛИКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ

Россия всегда благоговела перед эпическими героями, чьи победы достаются не столько выучкой и ратным трудом, сколько доблестью и Божьей помощью. Слава богу, в России таких хватало: Александр Невский, Александр Васильевич Суворов, Федор Федорович Ушаков. И — Михаил Дмитриевич Скобелев, — пожалуй, последний из тех, кто достоин называться «народным полководцем».

Эпичность Скобелева — не только в его неизменных победах: из более 60 сражений, в которых он принимал участие, ни одно не проиграно. Она — в народной любви к Скобелеву, в искреннем почитании его простыми солдатами, которым много приходилось терпеть от других начальников. А Скобелева они просто боготворили — за то, что никогда не были для него пушечным мясом, за то, что полководец всегда щадил их жизни.

В народной памяти Скобелев остался полумифическим богатырем, «Суворову равным» «белым генералом», который первым бросается в битву, разит врагов направо и налево, и при этом ни сабля, ни пули его не берут.

*Битва завершилась победой, кругом раненые, убитые —
а у него ни единой царапины...*

И вдруг в 38 лет — смерть-загадка. И современникам, и историкам остается только выдвигать версии — то ли убит недругами России как потенциальная угроза их антиславянской политики, то ли своими — как чрезвычайно популярный, а потому опасный человек. Способный в миг поднять армию, откровенно недовольный политикой нового царя, сворачивающего реформы, да к тому же имеющий реальную возможность стать если не князем Болгарии, то ее военным министром.

Но может быть все проще — и страшнее? Не выдержало сердце, которому было нанесено столько ударов. Недаром же Михаил Дмитриевич после последнего штурма Плевны, где он 30 часов просил о поддержке и не получил ее, сказал: «До третьей Плевны я был молод, а вышел из нее стариком». А ведь потом был еще позорный Берлинский конгресс, и тяжелая Ахалтекинская экспедиция, и смерть отца, и убийство матери, и безумие крестного, и исчезновение миллиона, собранного Скобелевым для какого-то важного дела...

Похороны белого генерала стали квинтэссенцией народной любви и горя от потери, которую невозможно восполнить. Говорят, корреспондент британской «Таймс» Чарльз Марвин был настолько поражен увиденным, что, не сдержав эмоций, воскликнул: «Такое у нас было бы невозможно!» — «Невозможно было бы и у нас, — ответил кто-то из русских. — Но ведь это же Скобелев...»

Михаил Дмитриевич
СКОБЕЛЕВ

(1843—1882)

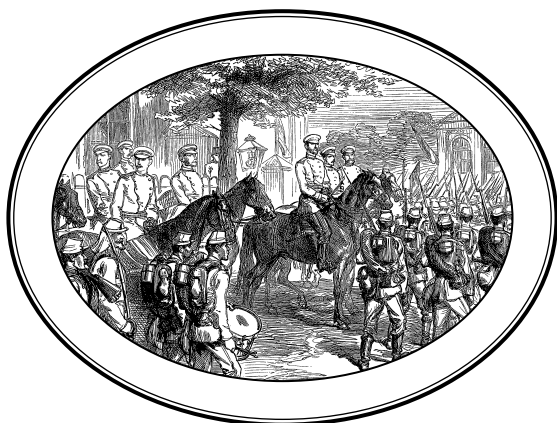
Михаил Дмитриевич
СКОБЕЛЕВ

«СТОЮ ЗА ПРАВДУ
И ЗА АРМИЮ!»

Москва, 2020

С. А. МАРКОВ
ПАМЯТИ М. Д. СКОБЕЛЕВА*

Выпуская настоящий очерк, составленный по поручению начальника Императорской Николаевской военной академии генерал-лейтенанта Щербачева, я не преследовал цели дать биографию М. Д. Скобелева или, тем более, сказать о нем что-нибудь новое. И то и другое было бы бесполезной и непосильной задачей после всего уже напечатанного. Моя задача значительно скромнее — дать ко дню открытия памятника в Москве «белому генералу» популярный очерк его деятельности и оживить в широких слоях нашего общества те черты, на которые беспощадное время готово наложить свою печать.

И если эти строки лишний раз привлекут симпатии читателя к личности Скобелева, если сознание того, что М. Д. Скобелев появился у нас в России и был наш, заставит заговорить чувство народной гордости и даст веру в возможность появления и в будущем в нашей армии нового Скобелева,— я буду считать мою скромную задачу исполненной.

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

М. Ю. Лермонтов. «Парус»

17 сентября 1843 года в Петербурге родился Михаил Дмитриевич Скобелев. Прошло 34—35 лет, и имя его стало известно во всех уголках нашей обширной Родины. «Белый генерал» сделался народным героем, его портрет, рассказы о нем — и правдивые и легендарные — проникли и в крестьянскую избу, и в нарядную гостиную, приковав к себе общие симпатии, больше — общее поклонение. Минуло еще четыре года, и Скобелева не стало. Стоит хоть бегло познакомиться с прессой 1882 года — года смерти Михаила Дмитриевича,— чтобы увидеть и понять, что эта смерть вызвала народное горе у нас, взволновала все слои общества и, охватив Россию, нашла тот или иной отклик за границей.

* Печатается по изданию: С. А. М. Памяти М. Д. Скобелева. М., 1912.

Иван Никитич Скобелев.
Литография 1820 г.

Дед Михаила Дмитриевича, генерал Иван Никитич Скобелев (1778—1849), 14 лет от роду поступил на службу вольноопределяющимся, и за несколько лет выслужил офицерский чин. С 1807 г. находился в действующей армии, отличился в первом же бою, а за Шведскую кампанию, в которой Иван Никитич был контужен и лишился двух пальцев правой руки, награжден золотой шпагой с надписью «За Храбрость» и орденом Св. Владимира 4-й степени. Едва оправившись от ран, вновь отправился в действовавшую армию, на этот раз в Болгарию, где отличился при Силистрии и Шумле и был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. В 1810 г. Иван Никитич вышел в отставку в чине капитана и обосновался в Санкт-Петербурге. Однако уже в 1812 г. Скобелев становится старшим адъютантом генерал-фельдмаршала князя Кутузова, не покидает службы и после смерти своего начальника, участвуя в Заграничном походе русской армии. Снова отличает под Реймсом и при взятии Парижа, за что получает три ордена: Св. Георгия 4-й степени,

Владимира 3-й и прусский «Pour le mérite». В 1817 г. Иван Никитич произведен в генерал-майоры, а в 1828 г.— в генерал-лейтенанты, после чего снова уходит со службы. Однако с началом восстания в Польше опять отправляется в действующую армию. В этом последнем своем походе получает новое ранение — в левую руку, которую пришлось ампутировать. Награжденный орденом Св. Георгия 3-й степени, Скобелев уже через полгода возвращается на службу по военному ведомству. Кроме того, он начинает заниматься литературным трудом под псевдонимом «русский инвалид». Произведения его — исключительно на военные темы — обладали сравнительно низкими художественными достоинствами. Но поскольку этот недостаток во многом искупался живостью и искренностью изложения, труды Ивана Никитича были весьма популярны. В 1842 г. Иван Никитич был награжден орденом Св. Александра Невского, в 1843 г. произведен в генералы от инфантерии и пожалован за беспорочную службу майором в Царстве Польском.

В 39 лет был пройден жизненный путь, но как пройден... Генерал-адъютант, генерал от инфантерии, кавалер ордена Святого Георгия 4, 3 и 2-й степеней, кумир армии, народный герой — вот результат короткой, как метеор промелькнувшей, жизни.

Пожалуй, лучшую оценку значения Скобелева для России вообще, а для всего славянства в частности, дали после его смерти враждебные Михаилу Дмитриевичу иностранные газеты. «*Borsen-Courier*»* между прочим напечатала следующее: «Ну и этот теперь не опасен... Пусть панслависты и русские славянисты плачут у гроба Скобелева. Что касается нас, то мы честно в том сознаемся, что довольны смертью рьяного врага. Никакого чувства сожаления не испытываем. Умер человек, который действительно был способен употребить все усилия к тому, чтобы применить слово к делу».

Своей родословной Скобелев придавал малое значение, считая, что высокое происхождение никогда никого не делало великим. Есть основание предполагать, что род Скобелевых ведет свое начало от шотландских эмигрантов, переселившихся в Россию под фамилией Скобей. Но гораздо любопытнее, чем исследовать родословную, познакомиться с тем, что унаследовал Михаил Дмитриевич от своих ближайших родственников. В наставлении к своему сыну Скобелев-дед писал: «Советую не забывать, что ты не более как сын русского солдата и что в родословной твоей первый, свинцом означенный кружок — вмещает порохом закопченную фигуру отца твоего, который потому только не носил лаптей, что босиком бегать было ему легче. Впрочем, фамилию свою можешь ты, не краснея, произносить во всех углах нашего обширного Отечества. И сей, исключительно важнейший для гражданина, шаг ты, не употребляя собственного труда, уже сделал, опершись на бедный полуостов грешного тела отца своего, который пролил свою кровь за честь и славу Белого Царя и положил фунтов пять костей на престол милого Отечества».

Уже одно это наставление определяет ту центральную фигуру в родословной Скобелева, от которой он многое мог позаимствовать и многому научиться. И действительно — Скобелев-дед сыграл большую роль в жизни своего внука. Он первый заронил в душу мальчика идею долга перед Родиной, зажег в нем любовь к солдату, научил Скобелева говорить языком, близким и понятным солдату. Сопоставляя приказы Скобелева, отданные им под Плевной, в Фергане и по 4-му армейскому корпусу, с приказами и литературными трудами Скобелева-деда, становится ясно, кто был образцом для Михаила Дмитриевича и чье влияние захватило его.

Скобелев-отец, человек довольно суровый, скупой и старых взглядов, имел меньшее влияние на своего сына. Георгиевские кресты как деда, так и отца с детских лет служили путеводной звездой для Скобелева-ребенка и определили его карьеру. Дед, Иван Никитич Скобелев, заработал свои два Георгиевских креста при взятии Парижа и Варшавы. 25 июня 1807 года, в сражении под Фридландом**, он был ранен пулею навывлет в правую ногу.

* «*Berliner Borsen-Courier*» («Берлинский биржевой курьер») — популярная во второй половине XIX в. немецкая газета.

** В битве под Фридландом русская армия под командованием А. А. Беннигсена сражалась с французскими войсками под командованием Наполеона и потерпела поражение.

Дмитрий Иванович Скобелев
(1821—1879)

Отец Михаила Дмитриевича, Дмитрий Иванович Скобелев, начал службу в 1838 г. унтер-офицером Кавалергардского полка и за годы службы (в 1869 г.) достиг звания генерал-лейтенанта. Участвовал в Венгерской кампании, воевал на Кавказе против турок. В 1857 г. назначен командиром Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, а в следующем — на должность командира собственного Его Величества конвоя. Во время войны с Турцией 1877—1878 гг. командовал Кавказской казачьей дивизией и 4-й стрелковой бригадой, а затем поступил в распоряжение Главнокомандующего

и в ноябре 1877 г. находился под Плевной. Позднее был отправлен в Филиппополь и участвовал в его занятии. Далее участвовал в преследовании армии Сулеймана в составе отряда генерал-лейтенанта Дандевиля. Именно Иван Дмитриевич во главе одного казачьего и трех драгунских полков настиг 7 января турок и сумел отбить у них 54 орудия, артиллерийский склад, обозы, оружие и взять в плен несколько сот человек. За мужество и храбрость, проявленные в Турецкую войну 1877—1878 гг. Скобелев удостоился ордена Св. Георгия 3-й степени.

20 августа 1808 года, при завоевании Финляндии*, ему оторвало два пальца правой руки и контузило грудь. 18 марта 1814 года под Парижем он был ранен в левую руку, а 14 апреля 1831 года в сражении с польскими мятежниками Ивану Никитичу ядром оторвало кисть левой руки. Образ израненного героя-деда не мог не захватить впечатлительного мальчика.

Отец, Дмитрий Скобелев, ездил за своими двумя Георгиями на Кавказ, а затем в Турцию.

Родился Скобелев в семье, занимавшей исключительное положение как по своим родственным связям, так и по материальному обеспечению.

* Русско-шведская война 1808—1809 гг.

Его отец владел 40 000 десятин земли. До шестилетнего возраста Михаил Дмитриевич был баловнем своего деда, умершего в 1849 году. Нанятый отцом гувернер-немец Каница был выбран очень неудачно. Крайне жестокий, он часто бил мальчика за дурно выученный урок и за малейшую шалость. Нервный, впечатлительный, подвижный, независимый по натуре и вспыльчивый до крайности, Скобелев не мог примириться с подобной системой воспитания. Нелепая вражда воспитанника с гувернером лишь озлобляла первого и должна была найти себе исход. Однажды двенадцатилетнего Скобелева в присутствии девочки — его ровесницы, которой он увлекался, гувернер ударил по лицу. Мальчик не выдержал, возвратил немцу пощечину и плюнул в него.

Этот эпизод повлиял на дальнейшую судьбу Михаила Дмитриевича. Отец понял, что жестокий гувернер не справится с его сыном, и отправил мальчика в Париж, в пансион француза Дезидерия Жирарде.

В лице Жирарде Скобелев нашел опытного, образованного педагога и честного, искренне к нему привязавшегося человека. Жирарде имел на Михаила Дмитриевича большое нравственное влияние и, по словам Скобелева, воспитал в нем религию долга. После окончания пребывания Михаила Дмитриевича в Париже Жирарде, по настоянию матери Скобелева, закрыл пансион и последовал за своим воспитанником в Россию.

В 1861 году Скобелев поступил на математический факультет Петербургского университета. Но влечение молодого человека уже определилось — его манила к себе военная служба с ее боевыми подвигами. Облики героя-деда, беседы о походах на Кавказе, в Венгрии, в Крыму отца со старыми боевыми товарищами давно определили жизненный путь Михаила Дмитриевича. Он пользуется первым случаем — беспорядками, возникшими в университете, — бросает его и в ноябре того же 1861 года поступает вольноопределяющимся в Кавалергардский полк.

Скобелев, как и другой великий русский полководец — Суворов, сам кует свою судьбу вопреки слагающейся обстановке. Жизнь обоих направлялась по чуждому им руслу, но призвание к военной службе со всеми ее невзгодами, трудами, капризным счастьем, заманчивой увлекательностью риска и величавой идеей — «душу свою положить за други своя» — взяло верх и помогло преодолеть все препятствия.

Огромное счастье для каждого — найти дело по душе, почувствовать свое истинное призвание, работать в области, захватившей все помыслы, всю энергию. Это счастье стало доступно Скобелеву с того момента, как университетская скамья сменилась конем, а математические книги — военно-историческими сочинениями.

31 марта 1863 года М. Д. Скобелев был произведен в корнеты в тот же Кавалергардский полк. Перед молодым человеком с большими связями, больше чем вполне обеспеченным, открывалась блестящая, видная карьера... но не этого жаждал Михаил Дмитриевич: мирная, хотя бы и блестящая карьера, не прельщала его. Мятежный дух требовал иной деятельности, и таковая деятельность скоро представилась.

В это время Польша была охвачена пламенем восстания*. Находясь в отпуске для свидания с отцом, служившим тогда в Польше, Михаил Дмитриевич случайно встретился в Августовской губернии** с Лейб-гвардии Преобра-

* Речь идет о Польском восстании 1863—1864 гг.

** Августовская губерния — административная единица Царства Польского с центром в городе Сувалки.

Ольга Николаевна Скобелева
(1823—1880)

Мать Михаила Дмитриевича, Ольга Николаевна, вышла замуж в 1842 г., вскоре после окончания Смольного института, за корнета Скобелева. В следующем году она родила своего первенца — сына Михаила, а позднее еще троих дочерей. Будучи дамой высшего петербургского света, Ольга Николаевна активно занималась благотворительностью. Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. была начальницей лазаретов, после смерти мужа (1879) возглавила болгарский отдел Общества Красного Креста. Ее стараниями были основаны несколько школ и приютов для сирот, она участвовала в организации снабжения госпиталей Болгарии и Восточной Румелии. Благодаря своей благотворительной деятельности, Ольга Николаевна снискала среди балканских славян не меньшую популярность, чем ее муж и сын. Ее земной путь был прерван 6 июня 1880 г. хладнокровным убийцей, бывшим ранее ординарцем ее сына...

убеждение, что только на войне можно вполне изучить военное дело. Одной теоретической подготовки мало — нужна практика, привычка к опасности и ответственности командовать под огнем.

Осенью 1866 года Скобелев был принят в Николаевскую академию Генерального штаба. Во время пребывания его в академии о нем сложились

женским полком, преследовавшим одну из банд. Этого обстоятельства было достаточно, чтобы вместо отдыха у отца Скобелев провел весь свой отпуск в качестве волонтера при Преображенском полку в погоне за бандой.

Пробыв год в Кавалергардском полку, Скобелев выхлопотал перевод в Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, чтобы в его рядах принять участие в подавлении Польского восстания. 7 апреля 1864 года Михаил Дмитриевич получил боевое крещение в стычках с бандой поляков Шемиота* в Радковицком лесу, за что получил первую боевую награду — орден Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

С окончанием военных действий служба Скобелева в Гродненском полку протекает несколько своеобразно; и здесь в мирной обстановке сказывается его порывистая, жаждущая знаний и сильных ощущений натура. Он то переплывает во время ледохода Вислу, рискуя жизнью, то прыгает со второго этажа своей квартиры вниз в парк, то запирается на целые дни у себя в комнате и с циркулем и карандашом в руке изучает военную историю.

В 1864 году снова пороховой дым и боевая обстановка притягивают Михаила Дмитриевича. Опоздав к войне датчан с пруссаками**, Скобелев все же берет заграничный отпуск и на месте изучает театр войны. Уже с этих пор у него складывается

* *Шемиот Павел Иосифович* (ок. 1819 — после 1886) — участник Польского восстания 1863—1864 гг., сосланный после поражения мятежа в Сибирь; позднее помилован.

** Датско-прусская война 1864 г.

Преображенская церковь в усадьбе Скобелевых. 1763 г.
Современная фотография

разные мнения — товарищи ценили в нем выдающегося человека, начальство считало способным, но ленивым. Подобная оценка являлась вполне естественной. Как и большинство даровитых людей, он не мог подходить под общую мерку. Заниматься одинаково внимательно всем, что требовалось академической программой, он не мог. Но зато, зачастую собрав вокруг себя своих сотоварищей по академии, Скобелев читал им какую-нибудь им составленную записку, касавшуюся походов Наполеона или каких-либо эпизодов из русской военной истории. Подобное чтение всегда увлекало слушателей, вызывая оживленные споры и рассуждения.

Благодаря знанию всех европейских языков и любви к чтению, Скобелев знал все, что так или иначе касалось военного дела. Его любовь к военной истории доходила до такой степени, что даже под Плевной, занятый и день и ночь, он находил время для чтения присылаемых ему из Петербурга новинок в этой области. «Всех офицеров прошу побольше читать, что до нашего дела относится», — пишет Скобелев в одном из приказов по войскам Ферганской области. Требуя впоследствии этого от своих подчиненных, Михаил Дмитриевич сам служил ярким примером для них. Скобелев мало того, что читал — он умел читать, выбирая из книг все полезное и поучительное, делая заметки и заставляя окружающих его офицеров комментировать вместе с ним прочитанное.

В ноябре 1868 года штабс-ротмистр Скобелев был причислен к Генеральному штабу с назначением в штаб Туркестанского военного округа.

Михаил Дмитриевич Скобелев в детстве.
Литография 1913 г.

Решение служить на нашей окраине в Средней Азии как нельзя больше согласовалось со взглядами Скобелева на военное дело и с его вечно жаждущей острых, новых ощущений натурой. Только здесь он мог пройти на практике боевую школу, только тут мог быть удовлетворен его мятежный дух.

Туркестану принадлежит длинейший период деятельности Михаила Дмитриевича. Здесь начал из него вырабатываться будущий герой Ловчи и Зеленых гор; здесь, в роли начальника маленьких отрядов, он проявил личную храбрость, научился понимать солдата и понял его психологию; здесь он выказал себя не только выдающимся воен-

ным, но и искусным администратором в качестве военного губернатора и командующего войсками Ферганы. Здесь, наконец, в Ахалтекинскую экспедицию 1880—1881 годов Скобелев проявил себя полководцем в полном смысле этого слова. Служба Скобелева в Туркестане может быть разделена на четыре периода.

В первый период он, причисленный к Генеральному штабу, командует 9-й Сибирской казачьей сотней и на деле показывает, что можно потребовать от нашего казака, если начальник сумеет внушить ему безграничное доверие и уважение к себе. За короткое время командования сотня уже слушалась малейшего движения его рук, смотрела ему в глаза. Личный показ и пример — вот главное чудодейственное средство заставить подчиненного совершить любой подвиг. Это средство применял Скобелев и в чине штабс-ротмистра, переплывая со своей сотней в 1870 году несколько раз Сырдарью, и впоследствии, генералом от инфантерии на предсмертном маневре 4-го корпуса в июне 1882 года. Вместе с тем у Скобелева крепнет уверенность, что от солдата можно потребовать почти невозможного, надо только уметь требовать, и эта уверенность создаст новых чудо-богатырей под Ловчей, Плевной, Шейновым и Геок-Тепе.

С июля 1871 года Скобелев находился в одиннадцатимесячном отпуске. В апреле 1872 года он был прикомандирован к Главному штабу, а в июле того же года назначен старшим адъютантом штаба 22-й пехотной дивизии в Новгороде с переводом в Генеральный штаб капитаном. Скучная, однообразная жизнь в Новгороде не могла удовлетворить Михаила Дмитриевича. 30 августа 1872 года, произведенный в подполковники с переводом в штаб Московского военного округа, он, не прибывая к новому месту службы, прикомандировался к 74-му пехотному Ставропольскому полку для отбытия ценза батальонного командира и отправился на Кавказ.

Волнующаяся Польша, покоряемый Туркестан и только что замиренный Кавказ — вот те окраины и та военная школа, школа практики, которую проходит Скобелев. Он рвется из шумного Петербурга, скучает в Новго-

роде, проводит отпуска то в погоне за бандой поляков, то изучая поля сражений датчан и пруссаков. Лихой корнет, спортсмен, если хотите — гусар-кутила, проявляет личную храбрость в борьбе с повстанцами в Польше. Та же личная храбрость в небольших экспедициях в Туркестане, умение увлечь своих подчиненных, внушить им, что и невозможное бывает возможным, характеризует первый период службы Скобелева в Туркестане. На Кавказе Михаил Дмитриевич попадает в муштру известного полкового командира из пруссаков — полковника фон Шака* и с любовью изучает приемы строевой и стрелковой подготовки солдата. Но, мало того, Скобелев здесь на опыте познает дух армейского товарищества и боевую закваску полка, выработавшуюся в непрерывной борьбе и постоянных лишениях.

Второй период службы Скобелева в Туркестане связан с экспедицией против Хивы в 1873 году.

Скобелев приложил все усилия, чтобы попасть в эту экспедицию. Вначале Михаил Дмитриевич был назначен состоять при отряде полковника Ломакина**, двигавшегося к Хиве с севера через пустыню Устюрт.

Вот как сам Скобелев рассказывал впоследствии о Хивинском походе:

«В апреле началось движение войск эшелонами. Сначала я находился при одной из колонн и исполнял разные поручения. У колодцев Баш-Акта мне поручено было командование отдельной небольшой колонной. Подвигались вперед мы медленно, испытывая страшные лишения: жара доходила до 45°, духота и сухость воздуха были невыносимы; кругом, куда ни бросить взор, безжизненная пустыня, бесконечные пески, пески. Вода в колодцах была большею частью скверная, солоноватая; колодцы глубоки, иногда

**Михаил Дмитриевич Скобелев
в чине юнкера.**

Фотография 1862 г.

* *Шак Адольф Вильгельмович* (1828—1897) в 1854 г. поступил на русскую службу из прусской армии в чине подпоручика. С 1 ноября 1869 г. — командир 74-го пехотного Ставропольского полка. Участник Кавказской и Русско-турецкой 1877—1878 гг. войн. С 1886 г. — генерал-лейтенант.

** *Ломакин Николай Павлович* (1830—1902) — участник Кавказской войны и Хивинского похода; с 1874 г. служил начальником Закаспийского военного отдела и командиром Краснодарского отряда. В 1879 г., после смерти генерала И. Д. Лазарева, назначен руководителем Ахалтекинской экспедиции; после неудачного штурма Геок-Тепе и последующего тяжелого отступления сдал командование. В 1897 г. произведен в генералы от инфантерии.

*Н. Д. Дмитриев-Оренбургский.
Генерал М. Д. Скобелев на коне.
1883 г.*

**Разгон демонстрации польских патриотов
русскими казаками (27 февраля 1861 г.).**

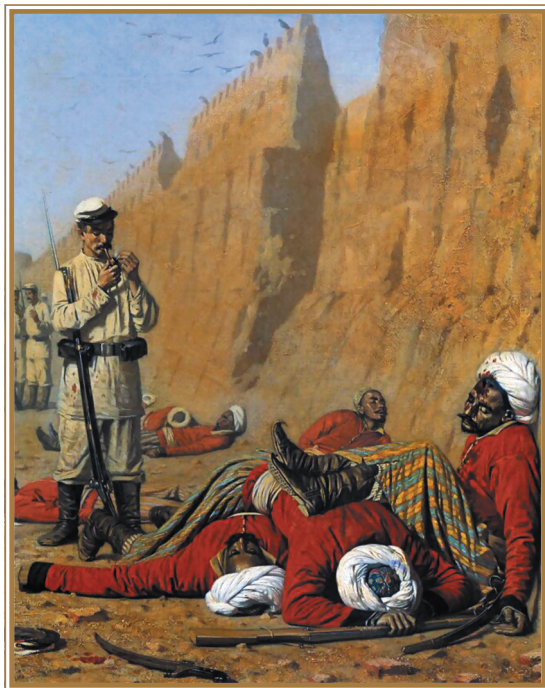
Вторая половина XIX в.

**Военная форма
лейб-гвардии
Гродненского гусарского
полка**

В. В. Верещагин.
После удачи.
1868 г.

В. В. Верещагин.
После неудачи.
1868 г.